

Монолог

Роберт Рафаилович Фальк... Сегодня его творчество обретает то место в истории отечественного искусства, которое заслуживает по праву.

После смерти Фалька в 1958 году очень немногие понимали цену его художественного наследия. Тогда основная тяжесть заботы о нем легла на жену Роберта Рафаиловича Ангелину Васильевну Щекин-Кротову. С ней Фальк прожил двадцать последних лет жизни. Двадцать самых ярких лет в ее судьбе.

Теперь почти все картины пристроены по музеям. Состоялось несколько персональных выставок. Вместе с Дмитрием Сарабьяновым подготовлена единственная пока монография о Фальке, которая издана в... ГДР. Вышла книга писем и воспоминаний. Правда, в те времена не о всем можно было вспомнить в печати.

Согласившись на этот разговор, Ангелина Васильевна сказала, что рада не умалчивать больше о многом, что было в ее и Фалька жизни.

— Я не искусствовед. Я была лишь женой Фалька. Поэтому я не буду говорить о его картинах. Я хочу рассказать, что он был за человек, как мы с ним жили.

Я включила магнитофон. Уже через несколько минут я поняла, что это будет не беседа, это будет монолог.

о Фальке

даже подчеркивал их темной краской... В какой-то мере я отдала дух кубизму, многие мои вещи того времени отличаются сдвигами форм. Но это не был логический прием конструктивизма, а я стремился сдвигами формы акцентировать эмоциональную выразительность».

Где-то в году 1918-м в творчестве Фалька наступил перелом. Его любимыми художниками становятся Рембрандт, Вермеер Дельфтский, Тициан, Веласкес, Эль Греко, Сурбаран, Гойа, Ватто, Шарден. В моем архиве хранится письмо, написанное, по всей вероятности, в 1922 году А. Куприну в Нижний Новгород: «...Я все больше смотрю назад, к старым мастерам. И мне становится ясно, что искусство последнего времени переживает тяжелую болезнь. У стариков были ощущения реальности, и они реально ощущали: то и другое одинаково важно. О таком «маленьком своем ощущении» говорил Сезанн. От этого у них и является такое совершенство техники. Мы же довольствуемся рваной и случайной техникой ввиду неясности и случайности нашего ощущения. Поэтому для меня не столь важно найти внешнюю сторону картины, как докопаться до того, для чего и почему у художника. Тогда остальное очень просто наладится».

«Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции я начал активно работать в Народном комиссариате просвещения — я был членом Всероссийской коллегии изобразительных искусств (то есть организационного центра перестройки художественной деятельности и профессионального образования на новых социальных основах).

Примерно к этому времени я стал на более реалистические позиции в искусстве».

за границу в творческую командировку. Он прожил там почти десять лет и сохранил себя.

Фальк путешествовал по Бретани, побывал на Корсике, проезжал Арль и удивился, что у «Ван Гога он гораздо красивее». Жил в Эксе, где «все наполнено Сезанном». Но больше всего ему нравился Париж. Он говорил, что это не город, а целая страна, каждый квартал — отдельный город. За девять лет в Париже он тринадцать раз менял квартиру, чтобы «пожить в разных городах».

Фальк чувствовал приближение войны и понимал, что если он сейчас не вернется на родину, то это ему нескоро удастся. Он отказался от нескольких выгодных предложений о выставках-распродажах. Он поехал домой, Шел 37-й год.

Он говорил мне, что знал, что его могут арестовать, но пусть хоть картины останутся на родине. Фалька не арестовали. Наверное, даже чудовищная сталинская машина давала осечку. Фалька ни разу не трогали. Но и картины его оказались никому не нужны — у него тогда была очень ненадежная репутация. Простили всего лишь две небольшие выставки: одна в ЦДЛ, где мы с ним познакомились; другая — в 1939 году в ЦДРИ. Музеи «обходили» нашу квартиру за несколько кварталов. Первым решился купить Фалька Пушкирак, директор Русского музея. Причем укралкой по самым дешевым ценам он протаскивал его вещи через комиссию. И это через пятнадцать лет после смерти Фалька. А при жизни ни один музей не купил. Хотя один раз купил музей во Фрунзе, кажется. Но кто-то Александру Герасимову донес, и он послал туда возмущен-

гражданин Советского Союза, имею гарантированное Конституцией право на отдых. Прошу приходить ко мне только в такое-то время». Наш был бы очень суров, денег не хватало. Михоэлс давал Фальку работу в еврейском театре — эскизы декораций. После гибели Михоэлса Эренбург рекомендовал Фальку в Камерный театр на свою пьесу. Один раз Фальк все-таки получил большой заказ: написать строительство Дворца Советов. Храм Христа Спасителя разворотили прямо перед нашим домом, из окна была видна стройка. Несколько эскизов — сейчас в музее. А саму картину я недавно передала в Советский фонд культуры. Когда Фальк показал свою работу жюри, там сказали: «Нет никакого пафоса созидания, радости труда». А он искренне ответил: «Какая же здесь может быть радость созидания! И вообще, когда я смотрю на свою картину, мне кажется, война скоро будет».

В сорок первом мы эвакуировались сначала в Башкирию, а потом в Самарканд. Там для Фальки нашлась работа преподавателя в Самаркандском художественном училище, а потом в эвакуированном Московском декоративно-прикладном институте. К нам туда приехал его сын Валерик. Прожил он с нами недолго, весной 1942 года его призвали в армию. Мы жили с Фальком в Регистане. Я помню его лекции о жизни в Париже, которые он читал у медсестры Улугбека. Тогда слушателя его пришли многие: эвакуированные, студенты, местная интеллигенция. Притащили огромный ящик из-под фруктов: Фальк на нем выступал, а я под этим ящиком записывала, чтобы его не смущали. Мне удалось записать много его лекций по искусству. Многие из них опубликованы.

В Самарканде Фальк тяжело заболел. Виновала в этом в какой-то степени я. Я достала брызну, сама не ела: это было дорогое лакомство, оставила Фальку. Эта брызна и заразила его бруцеллезом.

Нам пришлось в эвакуации очень туго. И главное, у Фалька почти не было условий для работы. Чтобы представить, как мы там жили, я приведу выдержки из его писем друзьям в Москву:

«...Вы спрашиваете, удалось ли мне использовать интересные стороны Самарканда и что-нибудь написать. Нет, если не считать некоторого количества акварелей, а по-серьезному не был в состоянии заняться живописью. За исключением лучшего мне пришлось в здешнем художественном училище взять руководство театрально-оформительским отделением. Оплата — 5 рублей в час. Фактически после всяких вычетов, отчислений получалось 3 руб. Чтобы набрать какую-то сумму, я вынужден был очень много часов взять. Да еще в другом конце города взял также уроки. Был я занят ежедневно 8—9 часов, не считая еще несколько часов на хождение по этим урокам. Зимой в липкую грязь, а летом при более 40° жары. Как видите, не могло у меня хватать для личной работы ни времени, ни энергии! Зимой мы питались удовлетворительно. Но к началу лета положение весьма ухудшилось. С одной стороны, продукты начали резко дорожать, а с другой — я потерял свою основную работу в художественном училище. Началось все более и более увеличивающееся недоверие. Болезнь моя в скрытой форме за несколько месяцев до открытого заболевания разрушила мой организм. Все это вместе взятое довело меня до настоящего тяжелого заболевания».

МЫ ЕХАЛИ из эвакуации домой вместе с семьями профессоров Матвеева и Фаворского. Фаворский — удивительный человек: беременную студентку, которая ехала с остальными в телесном вагоне, уложил на свое место, а сам сидел всю дорогу — две недели. Иногда только Фальк уступал ему свое место.

не думал, но мое поколение считало, что Сталина за это все можно простить. Фальку война принесла огромное горе — в сорок третьем погиб Валера.

Я пошла устраиваться на работу. Сначала на старое место в Центральный дом художественного воспитания детей. Но заведующая сказала: «Я вас, Галечка, очень люблю, но на нас и так сейчас всех собак вешают, а тут еще жена космополита и формалиста придет работать». Моя подруга устроила меня в автомобильный институт лаборантом. Постепенно заведующая кафедрой узнала, что я как-то образованна, знаю языки. Попросила помочь сделать ей докладик, потом я заменила забытого преподавателя. Я, как тогда говорилось, стала расти над собой, занимаясь наглядными пособиями, прочла Kapoor на эту тему доклад — пустой, конечно, — на курсах повышения квалификации, меня чем-то премировали. Но главная моя жизнь была возле Фалька.

Самые счастливые дни были, когда мы летом выезжали куда-нибудь на дачу. Чаще всего по северной дороге: Софрино, Абрамцево... Фальк, правда, предпочитал деревенский дом. Дачники его раздражали. Фальку нравилось, что наша хозяйка встает в пять утра, топит печку, выгоняет коров — все занято делом. Как тогда не издевались над деревней, а люди еще не отвыкли работать. Фальк и сам был такой же, как они. Он все время работал.

Фальк любил писать пейзажи, натюрморты. Заставлял меня составлять ему букеты. Если получалось хорошо, он милостиво замечал: «Ты ставишь букеты так же талантливо, как французская консервация». Но больше всего Фальк любил писать людей, слово «портрет» он не признавал. Чаще всего это были его близкие: жена, сын. Их портреты самые одухотворенные, самые емкие.

Я знаю не менее двадцати автопортретов Фалька. Он вовсе не был в себя влюблен, даже очень критически относился к своей наружности, но себя писал часто по многим причинам: не было модели, тем более такой терпеливой, как он сам, или хотел решить какую-то живописную задачу. В последнем автопортрете — итог жизни гордого, беспощадного к себе человека.

Только за год до смерти Фальк как-то сразу состарился. А до этого вел себя, как молодой, полный сил человек.

На панно в МОСХе было много цветов, музыки, на стенах в зале повесили картины Фалька. Последнее слово взял Эренбург. Скоро наступит то время, сказал он, когда мы будем спорить из-за картин Фалька. Это время настало. Не сразу, но настало.

Первая персональная выставка Фалька была в 1965 году в Армени. Директором музея там был тогда Армен Аршакович Чилингарян. Он один из первых приехал покупать у меня Фалька. «Небось, у нас не захотят сделать выставку?» — спросил он. «Почему не захотят?» Мы договорились, что я пришло 50 живописных работ и 50 акварелей. Я выслала, жду. Но ответа ни привета. Каждый день бегаю к почтовому ящику — ничего. Ну, все, думаю, погубила самые лучшие вещи. Что я скажу дочери, друзьям? Потом, к счастью, выяснилось, что Чилингарян уехал в отпуск, и мои телеграммы просто складывали в стол. В день выезда из Москвы пришлось распорядиться: афиши снять, никакой рекламы не давать. Но народ все равно все время был.

На знаменитой выставке «XXX лет МОСХа» в 1962 году Хрущев наговорил о Фальке много нелепостей. Но я его не виню. Он уже долго ходил по выставке. Устал. Картины на него лежали. В живописи он не разбирался: понимал только ценную фотографию, передвижников, в крайнем случае. А вот художники, какие поближе к административным высотам, так около него и терлись, подсаживали, давали оценки, их виню.

После посещения Манежа Хрущевым выстроились страшные очереди. Все мне говорили, что Фалька необходимо снять. Но я знала, что это будет прецедент — могут снять и других. Я ответила, что снимать не буду, хотя пусть снимают сами, но никто не решился.

Как-то я пришла на выставку до открытия, чтобы потюнуть раму на одном пейзаже. Служительница мне говорит: «Идите быстро пока народ не набежал, посмотрите Фалькова. Тут чуть на кулачки не бьются около него. Вот эта жирная толстая...» — и на «Обнаженную» показывает, — он с ней жил. А она ему навредила, он ее так и ослепил. А вот это жена, — звали англом, потому что добрая была очень. Она за ним в Сибирь поехала. «А что развел Фальк в Сибирь был?» — спрашиваю. «Ну, как же, Култовом лично засланный». «Развел?» — «Ну, это я точно знаю, — убеждает меня служительница, — она за ним поехала и вызволила, привезла в Москву. Но уж очень бедно жили, одну картошку ели, — и чтобы у меня уж окончательно сомнений не осталось, подводит меня к натюрморту с картошкой. Когда я рассказала про этот разговор Эренбургу, Любовь Михайловна мне говорит: заведите тетрачку, будете записывать «фальков»».

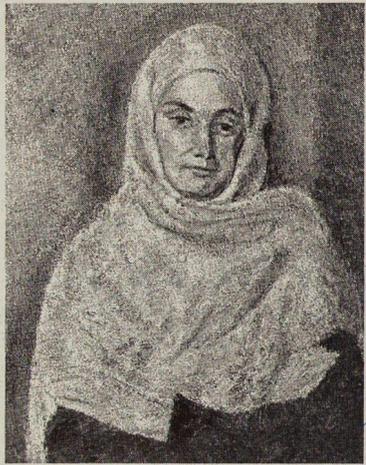
Не знаю, что тут сыграло свою роль, Хрущев или «Люди, годы, жизнь» Эренбурга, но на персональную выставку Фалька, организованную МОСХом в 1968 году в зале на Веговой, очередь была огромная. Там на входе стоял очень важный старичок. Как-то удовлетворенно поделался со мной: «Знаете, чувствую, что народу нужен, пропустите двадцать человек, остальных уговорившись, идите, чтобы порядок был. А раньше сидишь-сидишь — никто не ходит».

Сегодня у меня таких проблем с выставкой Фалька, конечно, не было бы. Но мне сейчас и не из чего ее делать. Я все раздала по музеям там, где не могли купить, я дарю. Меня сейчас многие утешают, что я все разбазарила, но я рада, что в разных городах люди видят картины Фалька.

Ангелина Васильевна смотрит в окна с детства этажа своей квартиры в самой колдовской дороге. Мне кажется, в этот момент она вспоминает, какой был вид из окна мансарды на золотые купола Кремля.

Материал подготовила И. СМЕРНОВА.

- Р. Р. Фальк.
- В розовой шляпе.

ВЕСНОЙ 1939 года в Доме писателей на улице Воробьинской открылась небольшая выставка парижских работ Фалька. Не было ни афиш, ни сообщений в прессе. Я узнала о выставке от своих коллег — я тогда работала в изосекторе Центрального дома художественно-воспитания детей.

Картины Фалька меня поразили. Я стала ходить на выставку каждый день после работы. Как-то незадолго до закрытия выставки Фальк подошел ко мне и спросил, нравятся ли мне его картины. Не помню точно, что я ему ответила, кажется, я сказала, что видела эти картины во сне. Он пригласил меня в свою мастерскую.

Фальк жил на набережной Москвы-реки в доме красного кирпича, похожем на неуклюжий терем. Сейчас там какое-то иностранное представительство, а тогда были мастерские художников. По винтовой железной лестнице я поднималась на самый верх, в мансарду. В огромном помещении мебели почти не было, по стенам стояли штабеля картин. Фальк любил пустоту.

Он усадил меня в кресло и стал ставить на мольберт картину за картиной. Много, долго, пока не стемнело. Я стала приходить в мастерскую еще и еще. Однажды Фальк предложил мне остаться у него навсегда. Я сразу согласилась.

Фальк был меня много старше, художник с именем, но я его совершенно не боялась. Для меня было огромной радостью смотреть, как он работает. Мне казалось, что я сама пишу его картины. Я бежала со службы быстрее домой, чтобы приняться за эту работу.

Всю зарплату я отдавала матери и Фальку помогала, чтобы не сесть на его иждивение. После выставки он немножко продал задешево каким-то любителям, а с заказами все провалилось. Я сказала ему: «Какое счастье, что тебе не надо писать на заказ. На заказ ты пишешь хуже, чем для себя. Давай поищем какой-нибудь другой выход». Фальк тогда даже хотел пойти работать аккомпаниатором, но я категорически возражала. Фальк был очень способен к музыке. Когда он поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, его учительница музыки рыдала: она думала, это будет второй Рахманинов.

Фальк много мне рассказывал о своем детстве, о жизни до встречи со мной, так что мне иногда кажется, что я знала его чуть ли не со дня его рождения.

Он родился в 1886 году в зажиточной еврейской семье. Отец был юрист, кроме того, известный шахматист. Дома говорили по-ишраэли: дедушка был выходцем из Курляндии. Фальк и его два брата посещали московскую Петер-Пауль-школе, реальное училище, где все предметы преподавались на немецком языке. Воспитывали их очень жестко: труд и дисциплина. Родители не одобрили решения сына стать художником, они хотели бы для него более respectable профессии.

Главными своими учителями живописи Фальк считал Серова и Коровина. Очень тепло о них вспоминал. С 1906 года начал участвовать не только в ученических выставках. С 1908 года — в передвижных, а в 1909 году в салоне «Золотое руно»: эту выставку устраивал журнал «Золотое руно» — орган русских символистов.

В конце 1910 — начале 1911 года родился «Бубновый валет». Членами-учредителями этого художественного содружества стали Лентулов, Машков, Кончаловский, Куприн, Фальк и другие художники. Я как-то спросила Фалька: «Почему «Бубновый валет»? Он ответил, что на старых итальянских картах бубновый валет изображался с палитрой в руках — символ молодого художника. По воспоминаниям Фалька, первая выставка была открыта чуть ли не в каком-то сарае, пол в опилках, картины без рам, сплошными рядами. Это была, конечно, «попечина общественному вкусу».

На этой выставке «Бубнового валета» у Фалька купили картину, кажется, рублей за триста. Сумма по тем временам немаленькая — Фальк решил поехать в Италию. Но для путешествия с комфортом этих денег было, конечно, недостаточно. Он ночевал на постоялых дворах, обедал в придорожных трактирах. Обошел чуть ли не всю Италию. Ничего не писал, просто наслаждался природой и красотой городов.

Фальк очень любил вспоминать о том времени — молодом, озорном. Дружба «бубнововалетцев» оказалась очень прочной, они продолжали поддерживать друг друга и в трудные времена.

В своей автобиографии Фальк писал: «В этот период я любил яркие контрастные сочетания, обобщенные выразительные контуры.

● Набережная Семь.

● Лица на солнце.
● Натюрморт на белой скатерти.

Где-то в начале двадцатых Фальк поехал в Витебск, чтобы «унять» Малевича. Малевич там преподавал. На него в Наркомпрос было много жалоб, в том числе и от художников. Фальк поехал тогда с орденом на его арест, но так им и не воспользовались.

Когда в Витебске Фальк вышел с вокзала, он увидел извозчика, выехавшего прямо из картин Шагала: с пейзажами, в лапсердаке, в шляпе. Поехали по городу. Домишки маленькие. По улицам ходят козы, куры. И вдруг Фальк видит, посреди этой улицы возвышаются геометрические конструкции: кубы, цилиндры. Какая-то фантазмагория Малевича на фоне Шагала.

Студия Малевича была как секта. Все мрачные. Малевич говорил чрезвычайно заумно: о пространстве, о том, как надо резать это пространство. Сначала Фальк и Малевич спорили, охрипли, почти не спали целую неделю. К согласию не пришли. Тогда Фальк в соседнем с Малевичем классе сделал свою небольшую мастерскую. Поставил бутылку, краковую хлеба, кувшин и сказал, как найти правильные пропорции и распределить пространство. Это показало так примитивно, так понятно, что некоторые убежали от Малевича к Фальку, а потом поехали с ним из Витебска в Москву, во ВХУТЕМАС.

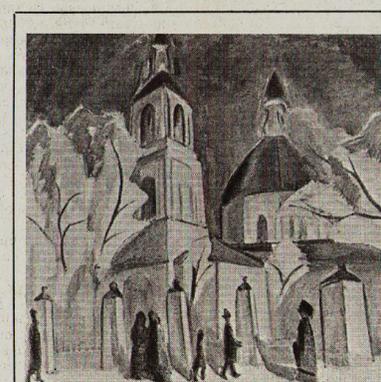
В начале двадцатых «карьера» Фалька складывалась как будто благополучно. Он был профессором живописи во ВХУТЕМАСе, членом коллегии по делам изобразительного искусства при Наркомпросе (1918—1920), действительным членом Государственной академии художественных наук, членом Союза работников искусств со дня его основания, деканом живописного факультета ВХУТЕИНа. Его мастерская считалась лучшей, в нее стремились попасть, его картины покупали столбчине и периферийные музеи, его работы представлялись на всех более или менее значительных выставках за рубежом. В 1924 году открывается его персональная ретроспективная выставка в Третьяковской галерее, в 1927 году выставка его работ в Доме ученых. Его имя постоянно упоминается в прессе, о нем пишут крупные искусствоведы.

И все-таки это годы очень непростые для Фалька. В частности, в его личной жизни. Фальк тогда тяжело болел. Изменилась и художественная атмосфера. Как и во многих других областях жизни, начали изживать то, что сегодня мы называем плюрализмом. Многие товарищи Фалька по «Бубновому валету» как-то успокоились, но он не мог смириться. В 1928 году он получает разрешение выехать

ную телеграмму. Этой вещи я до сих пор не могу найти, ее, очевидно, списали. Так же списали как неликвид и те картины, которые при помощи Кончаловского приобрел Художественный фонд. В сорок шестом их жгли во дворе Худфонда. Жена Андрея Юмашева, известного летчика, выкупила свой портрет за рубль, дав его тому дворнику, который обливал картины Фалька керосином.

Фальк никогда не бездельничал, работал, как каменотес. Он работал и ставил картины к стенке. Если и не мог по состоянию душевному писать, то грунтовал или прибывал на подрамник холст. Никогда не жаловался, что ему трудно. Он отвлёкся от тяжелых мыслей к романам, то музыкой. Я даже научилась петь, чтобы он мог мне аккомпанировать.

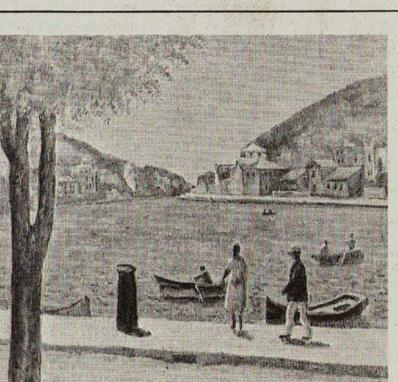
У нас не было телефона, к нам шли просто так. К Фальку тогда ходить было безопасно: он был заклеймен как космополит. Поэтому художники говорили, что ходят к Куприну. Хороший человек был Куприн, но против шерсти никого не гладил. Правда, у него тоже была отдушина от всех этих притворств: он сам себе сделал орган из старых труб и сочинил фуги в духе Баха. Емук, как и Фальку, частые визиты тоже мешали работать. Он повесил у себя на дверях объявление: «Я, как

● Церковь Ильи Обиденского в Москве.

я заболела перед отъездом воспалением легких, но свозю высокую температуру я слышала очень интересные разговоры. Другие говорили о том, какие в Москве цены, как устроиться, а эти люди — об искусстве. Фаворский говорил, что Фальк неправ, что пишет тени цветными, ведь тени отрезана от тьмы, как сказано в Библии. Он спорил как графин, а Фальк возражал как живописец. Помню, говорили о том, что «Портрет» Гоголя должен лежать у изголовья каждого художника, как Библия у верующего. Беседы были самого высокого свойства. Все везли в Москву сушеные фрукты, Фаворский вез черепки, которые подобрал на развалинах Самарканда.

Приехали в Москву. В мастерской продырявлена крыша, окна выбиты, картины завалены мешками с песком — там был пункт противовоздушной обороны. Библиотеку сожгли, и нельзя тех людей обвинять: было холодно, а топить нечем. Кое-что из картин украли, то что пореалистичнее. Но большая часть осталась: картины Фалька невеселые, а тогда очень нужна была радость. Я помню, после войны идешь с базара, у каждой женщины в руках цветок, пусть маленький. Так хотелось радости. Была надежда, что все будет хорошо, что не будет тридцать седьмого года, что Сталин выиграл войну, что он молодец. Фальк так

● Сиена.
● Вухта в Валакляе.